

Сравнения в причитаниях Вологодской области

© Е. Ф. ЮГАЙ,

кандидат филологических наук

В статье рассматриваются сравнения в вологодских причитаниях.

Ключевые слова: причитания, похоронный обряд, сравнение, Вологодская область, фольклорные формулы.

Причитания (причёты – *волог.*) сопровождают традиционный похоронный и поминальный обряды. По форме это импровизационный поэтический текст с большим количеством словесных формул, исполняемый «на голос». Суть этого фольклорного жанра в обращении к умершему, стремлении указать ему правильный путь на тот свет, осуществить поминальную связь с душой. Произносимый при этом текст полон иносказаний.

Один из ключевых художественных приемов – метафорическая замена – генетически восходит к обрядовому запрету называть умершего по имени и степени родства (чтобы обезопасить живых). Объекты мира причитаний (обрядовая роль или ее окружение) связываются с метанаименованиями также посредством других тропов: параллелизм, сравнение. С точки зрения обряда, причитания – жанр, связанный с опасным временем открытости границ между тем и этим светом. Он регулирует контакты с миром мертвых. Поэтому возникновение и бытование его в среде классического фольклора связано с множеством запретов.

Причитания, записанные в XX веке, в основном воспринимаются как поэзия, и то, что прежде имело мифологический смысл, становится украшением текста. Среди художественных приемов, присутствующих в нем, хотелось бы остановиться на сравнении. В структуре сравнения можно выделить объект (что сравнивается) и средство сравнения (с чем сравнивается), или, по определению Ф.М. Селиванова, «образ сравнения – сопоставления (ОСС)» [1]. Это метанаименование для сравнения, параллелизма и отрицательного параллелизма. Эти тропы имеют общие черты и различия. Вслед за А.Н. Веселовским мы разделяем параллелизм (уподобляющий два явления) и сравнение («предполагающее сознание разделенности сравниваемых предметов» [2. С. 417]), и в данной статье рассматриваем только сравнения в узком смысле слова (двучленное сопоставление, выраженное сравнительными союзами, творительным па-

дежом и сравнительными степенями прилагательных). Статья написана с использованием гипертекстового поиска по базе данных «Русские причитания», созданной автором совместно с ЦТСФ РГГУ [3]. Также присутствуют примеры из книги Б.Б. Ефименковой «Севернорусская причеть» [4] и сборника «Не пристать, не приехати ни к которому берегу» [5], содержащего причёты Тотемского, Никольского, Бабушкинского и Тарногского районов Вологодской области.

Прежде всего, следует определиться с классификацией объектов сравнения. Персонажи причитания – это обрядовые роли, и здесь важно выделить две группы: покойник (адресат причитания) и другие умершие (родственники, ждущие его на том свете), с одной стороны, и живые, с другой – это ближайшие родственники, люди, чья семья стала неполной. Изменение их статуса так же, как и прикрепление покойника к миру мертвых – в центре внимания причитаний.

Причитальщица, если это вдова, говорит о жизни с мужем: «Ой, я прожила с тобой всю ведь жизнь, / Ой, сорок четыре годочика, / Ой, уж до глубокой до старости, / Ой, как за стеною за каменной, / Ой, как за горою высокою»; в другом причёте мать за дочь стоит «стеною горокаменной!» [3].

В былинах, например, встречается сравнение и параллелизм горы и богатыря (двух сражающихся богатырей), горы и богатырского коня [2. С. 49, 121]. Однако в причитаниях это метафора иного рода – не столько внешний облик, сколько функция препятствия на пути враждебных сил. Стена и гора (в соседних строках или в одном образе) выступают здесь контекстуальными синонимами. И то и другое – знак надежности, защиты. В последующих строках образ раскрывается:

Ой, не давала ты, мамушка,
Ой, на меня, на горящицу,
Ой, ветру буйному дунути,
Ой, часту дождю брызнула!
[4. С. 108]

Ой, ты не давал, лада милая,
Ой, на меня вить эку думушку,
Ой, да никому слова молвити,
Ой, уж я жила с тобой, ладушка,
Ой, как у Христа да за пазухой,
Ой, под покрывалом Богородицы
(Ой) я была-то согретая,
Ой, уж не одьялом пуховым,
Ой, твоей любовью и нежностью,
Ой, уж я спала не на подушечках,
Ой, я на твоей правой руценьке...
[5. С. 65–66].

Во втором тексте появляются два сопоставления уже относительно не самого умершего, а прошедшей жизни с ним. Первое выражено фразеологическим оборотом («как у Христа за пазухой»). Второе – любви и заботы с одеялом и подушкой – по форме представляет собой отрицательный параллелизм.

Объединяющие признаки сравнений и сопоставлений, присутствующих во фрагменте – защита, надежность, способность закрыть от опасности извне (от дождя-ветра до «худого слова»).

Обращает на себя внимание синтаксическое сходство строчек, следующих за сравнением в двух рассмотренных фрагментах: <не давал/а ты>, <обращение к умершему>, // <на меня>, <уточнение> // <дополнение, со значением негативного субъекта> <сказуемое со значением негативного действия>. Вероятно, сравнение со стеной и следующее за ним пояснение следует считать составными частями одной формулы, характерной для данной местности. Эти два причёта записаны с разницей в 35 лет от исполнителя одного поколения в деревнях соседних районов (расстояние между деревней, где записан первый причёт, и деревней, где родилась исполнительница второго – 88 км).

Образы стены и горы присутствуют не только в сравнениях, но и в метафорах: «Ой тошнёшенько, да у нас нет, не случилось, / Ой тошнёшенько, да горушки да высокие, / Ой тошнёшенько, да стenuшки белокаменной, / Ой тошнёшенько, да нет корьминьца батюшка!» [3].

В продолжении причёта появляются также образы обидчиков, внешнего обстоятельства, которому открыты сироты, оставшиеся без стены – горы: «Ой тошнёшенько, безо родимого батюшка, / Ой, тошнёшенько, да будут детоньки изоби жены, / Ой тошнёшенько, да от сусед, от суседушок, / Ой тошнёшенько, да от суседных-то детонёк!» [4. С. 134].

Аналогия со стеной не закреплена строго за умершим. В обращении ко вдове причитальщица говорит: «Да и постой-ке ты, Валенька, / Да ты стеной-то каменной» [3].

Средствами сравнения становятся предметы, уже существующие в мире причитаний. В описании этого света присутствуют и стена, и гора в прямом значении: «У нас всё не по-старому, / Посерели стены дубовые, / Померкли ясны окошечки»; «Да за реку-ту широкою, / Да на крутые-ти угорчики, / Тебя ко церкви-то божественной».

Сироты – дети – сравниваются с пташками: «Ой, час ровно птички безгнёздые, / Ой, да пташечки бесприютные, / Ой, мы без родимого батюшка! [3]. Появляется редкое для вологодских причитаний сравнение – с «лазурьевым» цветком: «Ой тошнёшенько, да недоспелая ягодка, / Ой тошнёшенько, не росцветёт, как лазурьев цвет, / Ой тошнёшенько, безо родимого батюшка!».

Стоит вспомнить, что лазурьевы цветочки, как и шатающаяся травиная / лесина встречаются в былинах относительно солдат перед царем и

богатыря перед матерью: «Тут не трава – мурава в поле да шаталасе, / Не лазурьевы цветочки к земле приклонялиссе, / Тут и бьют челом царю солдаты да низко кланяютсе» [2. С. 102]; «Не лесина во целом поле шатается, – / Ише Дюк-от перед матюнкю ведь челом бьет ...» [Там же. С. 74]. Возможно, сиротство в причитаниях и воинская преданность в былинах имеют сходные формы описания за счет общего значения подчиненности и преданности, полной зависимости и одновременно любви.

Наиболее распространено в причитаниях сравнение сироты с кукушкой. Кукушка – также самое частое средство метафорических замен и лирических обращений к сироте. Признак, по которому происходит сравнение, – одиночество, покинутость: «Ой, да одна-одинёшенька, / Ой, как кокушечка серая, / Ой, серая да безгнездая!»; «Осталася одна-одинёшенька, / Как серая безгнездая кукушица» [3]. Ср. в былинах: «Покинул королюшек молодую жену, / Как горькую кукушечку в темном лесу, / Как горькую полынушку в чистом поле» [2. С. 22].

Пара «горюшица – кукушица» может встречаться в разных синтаксических вариантах: перечисление, когда это равные единицы; сравнение, когда горюшица это прямое наименование, а кукушка – средство сравнения. При перечислении возникает синтаксический параллелизм: «Ой, да хоть одно ты словечико, / Ой, да ты со мной, со горюшицей, / Ой, да ты со мной, со кокушицей!» [3].

Еще одно наименование сироты – сравнение с одиноким деревом или травинкой: «Я одна-одинё... ох ...шенька, да / Ровно в лисе леси... ох ...ночка, да / В поле горька трави... (ночка)» [3].

Малораспространенное, но яркое средство сравнения – части суток. В двух причётах Тотемской исполнительницы вдовец сравнивается с ночью: «Ой, так и ходит твоя лада-та ми...(лая) / Ой, он как ноценька тё...(мная)»; «А дак уж и ходит твой лада-то милая, / Так он темняя-то ноценьки» [Там же]. В Тарногских причётах из книги Б.Б. Ефименковой есть параллелизм покойника и зари: «Ранняя утрянна зо... ох ...рюшка, / Моя родимая ма... ох ...мушка, ты».

Образы, связанные с покойным, в целом имеют положительную окраску, а с сиротами – отрицательную, так что сравнение умершего с «темной ноценькой» закономерно в рамках традиции. При этом в арсенале причитальщицы присутствует образ для сравнения, форма которого (сравнение с помощью союза *как* и с использованием сравнительной степени прилагательного) варьируется.

В отличие от людей, пространства в рассматриваемых текстах редко становятся объектом сравнения. И тот свет (могила, гроб), и этот (дом сирот) могут сравниваться с пустыней: «Ой, как стоит-то высок терём, / Ой, как пустая пустынюшка, / Ой, как темница-то тёмная» [3]. В данном контексте пустыня – субстантивированная пустота, пространство,

лишенное вещей, необходимых для жизни, и, собственно, жителей (мир без умершего). Эта идея также может быть выражена и без помощи сравнений: «О-ё-ёй, ведь без тебя, наша бабушка, / О-ё-ёй, ведь опустеет высóк терем, / О-ё-ёй, ведь опустеют все горенки, / О-ё-ёй, все забусиют окошечки!» [Там же].

Сравнение в причитаниях – один из способов соединения объекта реальности (обрядовой роли или окружения похорон) и метанаименования. По частотности сравнения менее распространены, чем психологический параллелизм и метафорические замены, однако все эти типы пересекаются, так как используют одни и те же средства относительно объектов, набор которых ограничен смыслом причитания. Средства сравнения (образы мира природы и мира человека – дом, ландшафт, названия животных и птиц и др.) черпаются из системы образов причитаний и в большинстве своем встречаются и в других контекстах, в своих прямых значениях.

Литература

1. *Селиванов Ф.М.* Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель. М., 1990. С. 6.
2. *Веселовский А.Н.* Избранное: историческая поэтика. М., 2006.
3. Русские причитания: гипертекстовый словарь, база данных. <<http://eurasianphonology.info/folkcorpus/yugay/>>- дата обращения 07. 12. 2014 (проект создан в ЦТСФ РГГУ при поддержке гранта РФФИ № 14-36-50255).
4. *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. М., 1980.
5. «Не пристать, не приехать ни к которому берегу»: похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е. Ф. Югай. Вологда, 2011.

Вологодский институт бизнеса

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-36-50255